

причём в последний момент, накануне выхода газеты (это ЧП для любого издания, в любые времена), мог только какой-то очень-очень большой начальник. Им и был Свердлов. Просто Яков Михайлович понял, что это уже слишком, заигрались, что называется. Ведь надо будет что-то делать потом с выловленным Романовым...

В связи с этим слабо верится в версию, выдвинутую английским историком Дональдом Кроуфордом, который считает, что осенью 1918 года Пермский Совет решил официально убрать Михаила с политической арены. И вот для этого «они выдали за великого князя его камердинера Чельшева, а шофёру Борунову отвели роль Джонсона». На самом деле ничего подобного не было: оба «слуги» Михаила были расстреляны как заложники, их фамилии появились в списках жертв красного террора, опубликованных в «Известиях Пермского исполкома». В первом списке (номер газеты за 11 сентября) — 42 фамилии, причём Чельшев Василий Фёдорович назван почему-то монахом. Фамилия Борунова Петра Яковлевича, «бывшего слуги Михаила Романова», появится в следующем списке ЧК (в номере за 9 октября). В нём ещё 37 человек... (В книге «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» в последнем чекистском списке приведено только пять фамилий заложников.)

Списки публиковались для устрашения населения, а также для того, чтобы замазать, повязать кровью всех, кто оказался под красными знамёнами, пусть даже случайно. Кого-то из заложников погубили «за их явную контрреволюционную деятельность», других — «в ответ за покушение на членов ЧК».

Красный террор — белый террор

Обоснование у «железных чекистов» также было «железное»: «...чтобы в корне пресечь такие вспышки, влекущие за собой ненужные жертвы, чтобы правые эсеры, меньшевики и кадеты знали, что подстрекательство и провоцирование малосознательных крестьянских масс прежде всего отзовётся на них самих, — Пермская окружная ЧК постановила взять в г. Перми и во многих заводах округа заложников из представителей крупной буржуазии, правых партий и белых офицеров» («Известия...», 18 сентября 1918 года).

С этой целью было арестовано 80 человек. Потом ещё и ещё...

Стремясь вырвать царскую фамилию с корнем, большевики убрали всех свидетелей, не щадили и обычных обывателей. Первым номером в октябрьском списке (потом будут и другие списки) шёл Знамеровский Пётр Людвигович, бывший жандармский полковник, и его жена. Романов часто совершал прогулки по пермским окрестностям в компании с полковником. Заходил он и на квартиру к Знамеровским на Кунгурской улице.

Далее в зловещем списке расстрелянных шли Лебедева Серафима Семёновна, служащая Петроградской центральной электростанции, «соучастница в побегах Михаила Романова»... Особенно много в списке было жандармов, служивших царскому режиму, и священников.

НЕ БУДЕМ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО МИХАИЛ БЫЛ ДЕМОКРАТОМ ПО СВОИМ УБЕЖДЕНИЯМ (НЕДАРОМ ЖЕ ТОЛЬКО ОН СУМЕЛ СОВЛАДАТЬ, «ОБУЗДАТЬ» ДИКУЮ ДИВИЗИЮ), ЕМУ БЫЛО КАК-ТО СТЫДНО ВОРОВАТО БЕЖАТЬ, КАК ТАТЮ, КАК РАЗБОЙНИКУ

В свете новых данных, опубликованных документов можно сделать однозначный вывод, что никаких подпольных монархических организаций в Перми на тот момент не существовало. Попытки их создания — да, были; в том числе мыслями на сей счёт делился с единомышленниками (как ему казалось) бывший полковник П. Л. Знамеровский. Он с женой и сыном жил на квартире в доме по Кунгурской улице, 8. Большевики потом объявили, что здесь и находился «штаб заговорщиков».

На самом деле если что и было, так одни разговоры, а не заговоры...

За полтора года до революции Пётр Знамеровский перешёл на службу в Министерство путей сообщения уполномоченным министра по расследованию злоупотреблений по перевозке. Служил до апреля 1917-го, затем уходил на фронт, но воевал недолго; по болезни был отпущен и снова жил в Гатчине. 7 марта 1918 года был арестован и вместе с Михаилом Романовым выслан в Пермь. Вначале содержался вместе с Романовым в «Клубных номерах» (бывшего Дворянского собрания). А потом, когда Михаил и Джонсон были освобождены из тюрьмы, он снял квартиру на Кунгурской улице.